

Доктор Джим Шпигель, Философия религии, Сессия 2, Теистические аргументы, часть 1, Космологический аргумент

© 2024 Джим Шпигель и Тед Хильдебрандт

Это доктор Джеймс Шпигель в своем учении о философии религии. Это сессия 2, Теистические аргументы, часть первая, Космологический аргумент.

Итак, первый Теистический аргумент, который мы рассмотрим, это Космологический аргумент в пользу существования Бога.

Все теистические аргументы направлены на доказательство или поддержку или подтверждение разумности веры в Бога, и эти аргументы использовались на протяжении столетий на Западе, по крайней мере, еще со времен Платона. Этот космологический аргумент, по-видимому, был впервые разработан Платоном в одной из его работ под названием «Законы». Другие аргументы, которые использовались, и многие из которых мы обсудим, включают телеологический аргумент, который является аргументом от замысла. Моральный аргумент в пользу существования Бога, аргумент от разума или сознания, онтологический аргумент, аргумент от религиозного опыта и аргумент от чудес, а также есть и другие аргументы. Те, которые мы рассмотрим, это космологические, телеологические аргументы, аргумент от разума и онтологический аргумент.

Итак, начиная с Космологического аргумента, который на самом деле был назван Кантом, он дал названия Космологическому аргументу, Телеологическому аргументу и Онтологическому аргументу. Основная идея Космологического аргумента — рассуждение от существования мира к первопричине, необходимость некоего конечного причинного объяснения мира. Одним из примеров Космологического аргумента является то, что если что-то существует, то что-то существует с необходимостью.

Что-то существует; следовательно, есть необходимое существо. Мы рассмотрим версию космологического аргумента, которая была названа аргументом Калама, возникшим в средневековый период у некоторых исламских философов. Этот аргумент уникален, поскольку он фокусируется на идее, что у вселенной было начало, что у вселенной должно было быть начало.

Итак, космологический аргумент Калама звучит так. Первая предпосылка заключается в том, что все, что начинает существовать, имеет причину своего существования, и вселенная начала существовать, следовательно, вселенная

имеет причину своего существования. Одним из выдающихся защитников космологического аргумента является Александр Пруст, и мы рассмотрим некоторые из его мыслей по поводу этого аргумента.

Он рассматривает три основных вопроса, которые задаются в отношении аргумента Калама. Во-первых, есть ли у космоса на самом деле объяснение? Может ли быть объяснение, которое не включает первопричину, и должен ли первопричиной космоса быть Бог? Итак, мы рассмотрим эти вопросы и то, как Пруст справляется с ними в обратном порядке, начиная с вопроса, должна ли быть первопричина космоса? Существует то, что можно назвать проблемой разрыва при переходе от идеи о том, что у вселенной есть первопричина, к теизму. Идея здесь для защитников аргумента Калама заключается в том, что окончательное объяснение космоса не может быть научным или механистическим.

Это должно быть личное существо, поэтому первопричиной должна быть личность, таким образом, предполагая нечто богоподобное, поскольку такое существо должно быть не только чрезвычайно могущественным, но и вневременным, неизменным, а также чрезвычайно разумным или всеведущим. Когда вы складываете все эти характеристики вместе, вы получаете что-то вроде Бога классического теизма. Теперь, какой-то объект, который, ну, может быть, есть другое объяснение, которое не является своего рода механистической причиной или личным объяснением, но на самом деле конститутивным объяснением, которое было бы аналогично объяснению того, что объект горячий в данном случае, потому что он имеет, скажем, высокую кинетическую энергию.

Там мы не ссылаемся ни на что, кроме самого объекта, чтобы объяснить, в данном случае, его тепло. Пруст отвечает на это, отмечая, что конститутивное объяснение, которое апеллирует к аспектам самой вещи, не является окончательным объяснением, потому что, как он говорит, все окончательные объяснения контингентных положений дел должны быть причинными, а не конститутивными. И это потому, что мы всегда можем спросить, почему конститутивное положение дел имеет место или почему, в случае ножа, оно вообще существует.

Там вам нужно какое-то причинное объяснение или как это стало иметь высокую кинетическую энергию, чтобы объяснить его тепло. Там должно быть какое-то причинное объяснение. Так что конститутивные объяснения не подойдут.

Когда дело касается вселенной, механистические причины не имеют смысла. Поэтому должно быть какое-то личное объяснение. Это основная идея.

Но теперь мы можем спросить, может ли быть объяснение, которое не включает в себя первопричину? И те, кто задает этот вопрос, идут по одному из двух путей: спрашивая, может ли быть некаузальное окончательное объяснение или если причинное объяснение может быть дано путем обращения к цепочке некаузальных причин, то есть причинной цепи, которая не имеет первого элемента, то есть безначальной серии конечных причин. Итак, те, кто выбирает первый путь, утверждая, что может быть некаузальное окончательное объяснение, обычно будут ссылаться на какой-то метафизический принцип или высшие космические законы. Поэтому они будут пытаться избежать признания существования какой-то сущности или существа вне вселенной, которое породило вселенную.

Проблема здесь, по Прусту, в том, что это действительно непоследовательно. Окончательное объяснение должно быть вещью, должно быть каким-то существом, чтобы объяснить космос, потому что принципы не являются вещами; они не являются сущностями, такими, что имеют какую-либо причинную силу. Это верно для законов природы, когда мы думаем, скажем, о законе обратных квадратов, законе тяготения или первом или втором законе термодинамики.

Эти законы на самом деле являются формулами; они описывают, как все происходит во вселенной; они не являются такими сущностями, которые, скажем, гравитация вызывает что-либо. Фактически, это остается открытым вопросом. Что именно причинно объясняет эту закономерность, которую мы наблюдаем в природе? Даже назвать это силой не дает объяснения.

Должна быть какая-то сущность или агент или существо, которое это объясняет, и так происходит со всей вселенной. Должна быть какая-то сущность. Метафизический принцип не является причинным объяснением. Дэвид Юм выбирает второй путь, который заключается в обращении к идее безначальной цепи неконечных причин.

Он говорит, что каждое условное существо может иметь причину, которая является другим условно-существом, и так далее до бесконечности. Таким образом, не нужно признавать существование конечного, всемогущего существа, которое запустило процесс. Итак, если мы можем объяснить каждую часть вселенной, апеллируя к другой конечной части, и это продолжается бесконечно, то каждая часть будет объяснена, и нам не нужно апеллировать к конечной причине.

Пруст говорит, что это проблематично просто потому, что то, что нужно объяснить, это вся цепочка. Как вообще можно заставить цепь двигаться, причинную цепочку контингентных существ, без какого-то первого члена или агента, который заставил всю цепочку двигаться? Он приводит пример

пушечного ядра, в котором полет пушечного ядра может быть объяснен каждым моментом его полета. Состояние шара может быть объяснено предыдущим состоянием.

Некоторые попытаются использовать это как аналогию с тем, о чем здесь говорит Юм. Но опять же, это наводит на вопрос, что вообще объясняет полет пушечного ядра? Как оно вообще начало двигаться? Как оно вообще стало летать по воздуху? И это своего рода окончательное объяснение полета пушечного ядра, которое аналогично началу вселенной. Что изначально привело в движение эту причинно-следственную цепь контингентных существ? Безначальная серия не имеет смысла.

Это то, что подчеркивал Аристотель, и многие другие с тех пор считают проблематичным с таким подходом. Так нуждается ли космос в объяснении? Этот вопрос предполагает необходимость принципа, который учитывает наше желание найти окончательное объяснение. Какой принцип здесь задействован? Это то, что называется принципом достаточного основания, который был сформулирован несколькими различными способами.

Версия Пруста заключается в том, что все условно истинные предложения имеют объяснения. Условная истина — это та, которая не является необходимой. Верно, например, что в этой комнате есть стол, но могло бы быть и иначе.

Могло быть так, что в этой комнате не было стола, в отличие от необходимых истин, которые не могут быть ложными. Например, что треугольник трехсторонний или холостяк женат. Это обязательно правда.

Они не могут быть ложными. И поэтому, когда мы говорим о вселенной, о чем-то, чего могло бы и не быть, это условная истина. Что это объясняет? Должно быть какое-то причинное объяснение.

Согласно принципу достаточного основания, все случайные истины имеют объяснения. Теперь, одно из возражений Юма заключается в том, что когда речь заходит об идее вселенной, требующей объяснения, тот факт, что мы можем представить себе вселенную или что-либо, возникающее *ex nihilo*, или без какого-либо объяснения, показывает, что это должно быть возможно. Мы можем представить себе любой объект, внезапно возникший.

Это показывает, что в каком-то смысле это должно быть возможно. Может быть, это могло произойти со вселенной. Так что, может быть, не все вещи требуют объяснения.

Может быть, принцип достаточного основания здесь неверен. Пруст отвечает на это, отмечая, что это действительно требует слишком многого с точки зрения нашей способности представить себе возникновение чего-либо чисто и просто, без участия каких-либо причинных сил. Нам пришлось бы успешно представить отсутствие какого-либо причинного влияния на внезапное появление объекта, который, как мы представляем, возникает.

Итак, Пруст сказал бы, что это на самом деле своего рода самообман или отсутствие надлежащего понимания того, что происходит, когда мы что-то представляем. Мы не совсем верны истине ситуации, если думаем, что можем действительно представить, как что-то появляется без какой-либо причинности. Поэтому он сказал бы, что Юм здесь заблуждается.

Итак, каковы наши оправдания для веры в принцип достаточного основания? Одна из вещей, которую отмечает Пруст, заключается в том, что принцип достаточного основания самоочевиден. И это ясно, сказал бы он, в том факте, что никто никогда не задается вопросом, имеет ли какое-либо событие в повседневной жизни причинное объяснение. Знаете, если вы идете к своей машине и обнаруживаете, что у нее спущена шина, вы никогда не рассматриваете возможность того, что, возможно, этого не было, это не было вызвано таким образом, это просто произошло спонтанно.

Или если деньги исчезают из вашего кошелька или сумочки, вам никогда не приходит в голову мысль, что, ну, может быть, они просто спонтанно исчезли. Нет, всегда есть какое-то причинное объяснение. Мы ищем причины в каждом другом контексте жизни.

Почему бы нам не сделать то же самое, когда речь идет о вселенной в целом? Во-вторых, отрицание принципа достаточного основания сводит на нет большую часть наших остальных знаний и понимания. Есть некоторые области, где причинные объяснения не вступают в игру, например, когда мы занимаемся, скажем, чистой математикой. Но когда дело касается большей части остальной жизни и исследований, мы говорим о, вы знаете, причинно-следственных связях.

И наше понимание мира, безусловно, зависит от науки и многих других областей, от этой идеи, что состояния дел и существа имеют причинные объяснения. Так что, если мы не можем доверять принципу достаточного основания или не принимаем его, то все наши знания, основанные на принципе достаточного основания, в конечном итоге терпят неудачу. Так что нам придется быть довольно радикальными скептиками, если мы отвергаем или сомневаемся в принципе достаточного основания.

Теперь некоторые жалуются, что защитники космологии непоследовательны, потому что после использования принципа достаточного основания для вывода о существовании первопричины они отказываются от него и отказываются объяснять выбор первопричины для создания мира. Итак, возникает вопрос: что заставило Бога создать космос? Если мы собираемся обратиться к Богу как к конечной причине космоса и собираемся быть столь приверженными причинно-следственной аргументации, не можем ли мы тогда, в свою очередь, спросить, ну, а как же Бог? Что заставило Его это сделать? Ответ Пруста здесь заключается в том, что Бог решил создать мир из-за определенных ценностей, которые у Него есть, и того факта, что Он знал, что наш мир будет соответствовать этим ценностям или целям Бога. Итак, мы можем обратиться к собственным намерениям или мотивам Бога, но почему Бог придерживается тех ценностей, которые у Него есть, — это другой вопрос, который мы могли бы задать, и некоторые задают его в ответ.

Чарльз Пруст говорит, что по какой-то причине Бог предпочитает то, что Он делает. У Него есть ценности, которые Он делает. Может быть, нам нужно особое откровение, чтобы узнать это, и если мы посмотрим на Писание, я думаю, мы получим некоторые подсказки о высших ценностях Бога, о том, каким существом является Бог, что может объяснить, почему Он создал вселенную и почему Он создал людей такими, какими Он их создал, но это всегда возвращается к природе Бога, сказал бы Пруст.

Утверждение принципа достаточного основания не обязывает нас утверждать, что все объяснения в конечном счете познаваемы и что мы знаем все о каждом объяснении. Таким образом, вы можете знать, как существо возникло или кто его вызвал, не зная, почему человек или вещь его вызвали или как вещь его вызвала. Вам не нужно знать эти другие фрагменты фоновой информации, чтобы знать, что вещь, для которой вы ищете объяснение, имеет причинное объяснение, которое у нее есть.

Итак, даже если мы не знаем, что да Винчи, мы не знаем, почему да Винчи нарисовал Мону Лизу ; мы не знаем, был ли реальный человек с таким именем; по крайней мере, я не думаю, что историки знают это. Существуют разные теории о том, почему он нарисовал эту картину, но мы все равно знаем, что он это сделал. Итак, вы можете знать базовое причинное объяснение вещи, не зная этих других деталей. Так почему же мы не можем знать, что Бог создал вселенную, даже если мы не знаем всех причин, почему, или, может быть, ни одной из причин, почему?

Уильям Лейн Крейг — еще один ведущий защитник аргумента Калама, и он и другой философ по имени Уэс Морристон долго спорили об этом аргументе. Уэс Морристон был христианским философом, но он был очень критичен к

естественной теологии и теистическим аргументам в частности. Он был ведущим критиком аргумента Калама и защиты аргумента Крейгом.

Итак, мы рассмотрим некоторые аргументы Крейга в защиту аргумента Калама, особенно его защиту второй предпосылки, что вселенная начала существовать. Он приводит пару философских аргументов в защиту этого и один научный аргумент. Итак, его первый философский аргумент против идеи бесконечного прошлого заключается в том, что реальная бесконечная серия не может существовать.

Безначальная серия событий во времени является актуальной бесконечной серией; следовательно, безначальная серия событий во времени не может существовать. Он использует эту аналогию бесконечно длинной полки библиотечных книг. Предположим, что на этой полке библиотечных книг каждая вторая книга синяя, а каждая третья книга красная.

Итак, это бесконечно долго, бесконечно долго, синий, красный, синий, красный, синий, красный, синий, красный, синий, красный и красный. Мы предполагаем, ради аргумента, что у вас может быть на самом деле бесконечно длинная серия книг. Общее количество книг там, конечно, будет бесконечным, но теперь, каково будет общее количество синих книг в этой серии? Это также будет бесконечным.

Итак, половина общего числа книг будет равна целому числу книг в этой серии. Это подразумевает противоречие, где половина равна целому. Крейг утверждает, что это показывает, что в идее действительно бесконечной серии есть что-то непоследовательное.

Вот что он здесь имеет в виду. Теперь критика Уэса Морристана заключается в том, что аргумент Крейга предполагает версию того, что называется максимой Евклида, которая гласит, что множество должно иметь большее количество элементов, чем любое из его собственных подмножеств. Именно это Крейг здесь предполагает.

И Морристон утверждает, что это верно только для конечных множеств. Но когда дело доходит до бесконечных множеств, все ставки в отношении максимы Евклида отменяются. В любом случае, он говорит, что максима Евклида является спорной и была предметом споров.

Итак, в этом вопросе между ними есть некий тупик. Морристон также указывает, что существуют примеры множеств, которые имеют бесконечно много членов. Любой конечный кусок пространства, говорит он, может быть бесконечно разделен на подрегионы.

Разрежьте его пополам, разрежьте эту половину пополам, разрежьте ту половину и делайте это, предположительно, до бесконечности. И если это так, то не означает ли это, что существует бесконечное число подрегионов, даже в небольшом, конечном пространстве? Ответ Крейга на это заключается в том, что это только показывает, что пространство потенциально бесконечно делимо. Это не доказывает фактическую бесконечную серию пространств.

Морристон отвечает, что пространство не могло бы быть потенциально делимым бесконечно таким образом, если бы эти отдельные регионы уже не существовали. Вы не можете сделать разделение, если у вас нет промежутка или региона, который может быть разделен таким образом. Таким образом, потенциальная делимость конечного промежутка показывает, что там есть некоторые фактически бесконечные подрегионы.

Крейг предлагает еще один философский аргумент против бесконечного прошлого. Он звучит так. Ряд событий во времени — это коллекция, образованная путем добавления одного члена за другим.

Коллекция, образованная путем добавления одного члена за другим, не может быть фактически бесконечной. Следовательно, ряд событий во времени не может быть фактически бесконечным. На это Морристон отвечает, конечно.

Но он не думает, что это применимо к серии, которая не имеет временного начала. Это меняет все, о чем мы говорим, по его мнению, потенциально. Вселенная не имеет временного начала, и поэтому размышления Крейга здесь неприменимы.

Затем Крейг приводит научный аргумент против бесконечного прошлого, апеллируя к космологии Большого взрыва. Здесь он ссылается на красное смещение, которое было открыто Эдвином Хабблом в первой половине 20-го века. Он заметил, глядя в ночное небо, что свет от далеких звезд, далеких галактик смещается к красному концу светового спектра.

Предположив, что все эти небесные тела удаляются все дальше и дальше. Это своего рода оптический эффект Доплера. И он естественным образом сделал из этого вывод, что вселенная расширяется.

И затем, по мере того, как проводилось больше исследований, появлялось все больше открытий о том, насколько огромна вселенная, сотни миллиардов галактик с сотнями миллиардов звезд, расширяющихся примерно со скоростью света. Так что, если мы отмотаем это назад, поскольку вселенная не расширяется бесконечно, то, предположительно, в какой-то момент в конечном прошлом вся материя вселенной должна была содержаться в каком-то

конечном куске. А затем, по какой-то причине, она взорвалась со скоростью света и с тех пор расширяется.

Но идея здесь в том, что у Вселенной должно было быть начало. И космологи Большого взрыва скажут, где-то, я не знаю, 12-14 миллиардов лет назад, что Большой взрыв произошел. И большинство, подавляющее большинство космологов согласны, что так оно и было.

Так что вселенная имеет конечное прошлое. Это точка зрения, которая сегодня принимается учеными и космологами. И это своего рода рекомендация второй посылки аргумента Калама.

Ответ Морристана на это заключается в том, что в лучшем случае это показывает, что вселенная, вероятно, очень вероятно, имела начало. Это не доказывает этого с уверенностью. И это не исключает возможность колеблющейся вселенной, где расширения и сжатия продолжаются бесконечно.

Хотя теория колеблющейся Вселенной сейчас не в моде, я думаю, Морристон сказал бы, что, насколько нам известно, это может быть правдой. Так должно ли начало иметь причину? Крейг уделяет немного меньше времени обсуждению этого вопроса, в частности, первой посылки аргумента Калама, потому что здесь гораздо меньше противоречий. Эта предпосылка вызывает гораздо меньше вопросов, чем другая предпосылка аргумента Калама.

Крейг считает, что все, что начинает существовать, имеет причину своего существования. Мы говорили о принципе достаточного основания и абсурдности предположения, что любой объект может просто внезапно появиться из ничего, чисто и просто. Крейг приводит в пример тигра.

Предположение, что тигр может внезапно появиться посреди этой комнаты, абсурдно. Это также ужасающая мысль. Но это интуитивное доказательство, сказал бы он, что вся вселенная не могла просто появиться и начать существовать беспричинно из ничего.

Итак, если мы признаем абсурдность этого предложения, когда речь идет о конкретном объекте или животном, то насколько абсурднее предположить, что вся вселенная могла возникнуть чисто и просто из ничего? Ответ Морристана на это заключается в том, что мы верим в это относительно тигров, потому что они являются тем видом объектов, которые мы воспринимаем, но у нас нет подобного опыта относительно всей вселенной. Поэтому он скептически относится к тому, можем ли мы экстраполировать до такой степени. Можно утверждать, что если сравнительно небольшой объект, такой как тигр или стул, не может появиться, почему мы должны быть более склонны думать, что вся

вселенная таких объектов могла бы внезапно появиться спонтанно без причинного объяснения?

Наконец, должна ли первопричина быть личностью? Крейг говорит, что первопричиной должна быть личность, потому что механические причины действуют только тогда, когда возникают соответствующие условия. Опять же, это то, что Пруст высказал, как мы отметили. Но тогда у Вселенной не могло бы быть начала, если бы это была та причина, которая у нее была.

Но у вселенной есть начало, так какая же другая причина могла бы привести ее к существованию? Это должна быть личная причина. Это другая основная категория причинных объяснений. Итак, что бы это ни было, что создало вселенную, оно должно было быть чрезвычайно могущественным, должно было принять решение создать вселенную, должно было иметь намерения и должно было быть чрезвычайно разумным и мудрым, чтобы создать вселенную такой, чтобы она была подходящей для возможности жизни.

Мы поговорим о другом аргументе, аргументе тонкой настройки, который фокусируется на этом. Вы берете все эти качества вместе: силу, интеллект, преднамеренность и способность выбирать, и в итоге получаете личное существо. Кажется, что это портрет личного Бога, насколько это конечная причина вселенной.

Ответ Морристана здесь заключается в том, что это приводит к трудностям в объяснении того, как Божьего волевого творения было достаточно для его осуществления. И это соблазнительная мысль. Как Бог создал вселенную? Он дух.

Это физическая вселенная. Это, безусловно, вызывает вопросы о природе вселенной, природе материи или энергии, и о том, как Бог как дух мог создать вселенную. И здесь, безусловно, есть трудности.

Но я думаю, Крейг ответил бы, что только потому, что существуют концептуальные трудности в этом, не означает, что мы не можем быть уверены в том, что существовала некая трансцендентная, сверхмощная, разумная причина вселенной, объясняющая, как она возникла. Итак, это космологический аргумент с особым вниманием к версии аргумента Калам.

Это доктор Джеймс Шпигель в своем учении о философии религии. Это сессия 2, Теистические аргументы, часть первая, Космологический аргумент.